

НАКАНУНЕ

Литературное приложение

под редакцией гр. А. Н. ТОЛСТОГО

№ 42

М. Пришвин. От земли и городов. — Др. Карл Эйнштейн. Сказания Фактов. —
Бруно Гетц. Святое гниение и разложение культуры. — Библиография: А. Вольский; Нина Петровская. — Литературная хроника.

**Приложение
к № 276****СОДЕРЖАНИЕ:****От земли и городов.****Никола Сидящий.**

Наше село сидит на торфяном болоте, пусть оно раньше называлось Иваново, а теперь стало называться Люксембург, ничего от перемены названия болоту несталось: грязь в Люксембурге совершенно та же, как испокон веков было в Иванове.

Не понимайте только меня, как любят понимать русские люди, притчами, я не хочу сказать, будто ничего вообще не переменилось, вот, например, недалеко от этого Люксембурга есть маленькая деревенька и в ней теперь завелось электричество, притом без всякой помощи правительства, просто крестьяне купили себе для пахоты трактор и этот же мотор приспособили в темное время для освещения. В деревне этой даже нет ни одного коммуниста, а просто порода людей такая: лет тридцать тому назад, когда только что появились волшебные фонари, в этой деревне был первый волшебный фонарь. Зато верст двадцать от нее есть другая деревня, там никогда не было волшебного фонаря и теперь она самая озлобленная, темная, и от революции ничего не перенимает себе хорошего. Нет, я не хочу говорить притчами, что ничего не переменилось к хорошему в жизни местных людей, а исключительно, что в Люксембурге от перемены названия грязь не уменьшилась и как было, так и осталось болото.

Был в этом болоте человек, у него был большой двухэтажный дом ужасных пропорций, без всяких украшений, просто кирпичный сундук. В нижнем этаже была мясная лавка и бакалейная, приказчики продаивали, а сам хозяин, человек ложилой, но еще крепкий, в то время чуть только мука в бороде стала показываться, сидел обыкновенно на камне возле лавки: чего ему было соваться самому, поработал довольно, дело налажено, сиди и сиди. В налаженном деле и с улицы, чуть перебой — слышно. Тогда хозяин встает с камня и в дверь:

— Стерва.

Все затихает. Хозяин, прозванный у нас Никола Сидящий, опять садится на камень, глядит на базар и молчит.

Хороши базары были в Иванове, кто не любит и не понимает базара, тот ничего не понимает в этом житьё бытие. Вот в том то и штука, не с лица надо смотреть нашу провинцию, лицо у нее под платком и только нос виден, но живот, у какой живот в базар раздувается. Со всех дорог, со всех концов лесных, полевых и болотных с раннего утра трусят лошадки и везут, чего, чего не повезут бородатые овчинаные мужики. Бывало, купишь себе

горячей самодельной колбасы с ситником, мнешь это, а леший прямо на тебя лезет по бочкам, прет на баб, ноги давит, валяет ребят, кругом на него ругаются, кричат: — «куда ты лезешь, куда ты прешь?» а он все лезет и лезет и прямо на меня, наметил и прет; вот и добрался.

— Чего тебе, дедушка, надо?

— Чистого деготьку, батюшка, деготьку.

— Я не торгую.

— Чего же ты возле бочки стоишь?

— Колбасу ем.

— Колбасу...

А сам наметил себе еще где-то и полез в самую гущу, куда-то за чистым деготьком и так он целый день будет лазить, валять ребят, баб давить и сколько их, леших, тут лазит, толчая, теснота в брюхе базарном несусветная.

Живот раздувается и здорово карят кишки, а в кишках, как газы брюшные разные спекулянтики ныряют, скупают, перепродают. К вечеру брюхо повисло и остался на площади только сор и навоз, да Никола неизменно сидящий на камушке.

Ну, как вы думаете, запой есть болезнь, или же, как голод телесный, например, к людоедству приводит, а так голод духовный к вину и самому ужасному безобразию? По-моему так исходит от духа: нельзя же сидеть годы на камне и только смотреть по постным дням на базарное брюхо. Раз в месяц это бывает с Николой, поднимается с камня и сейчас же, как вороны на падаль налетают, собираются разные людишки смотреть, что будет разделять Никола Сидящий. Сначала из лавки торчма головой летят приказчики в грязь, потом собираются в очередь здешние известные люди:

Лихобор, первый в очереди, кривоглазый с полотенцем на плече трактирный слуга. —

за кривым рыжим Барбос, вышибало из темных номеров Анны Ивановны Мейер, —

за рыжий плешивый, маленький Щучка, —

за кривым, рыжим и плешивым всегда Фунтик, кумовья Опилковы, сваты Обрезковы, Тютюшкины и под самый конец Бегунок, мужичонко мусорный, плохенький, за пятак пять верст пробежит. И в стороне от очереди из любопытства стоит поп Сашка с двумя дурачками, один Сало-Макало («коли бы деньги, я бы сало макал»); другой Григорий Великий (ходил с Петром Великим в поход против Александра Македонского).